

БОРИС БЕРЕЗОВСКИЙ ИЗ ЛОНДОНА

«Когда-нибудь я захочу вернуться в Россию», — считает известный русский пианист

Независимая газета. — 2000. — 14 янв. — с. 7

Георгий Каретников

Борис Березовский получил Гран-при IX Международного конкурса имени П.И. Чайковского. Год назад в Большом зале Московской консерватории он исполнял сольную программу. Пять последних лет пианист Березовский вместе с семьей живет в Лондоне и концертирует в лучших залах мира.

ОДИН раз в год концерт в Москве и 20 концертов за месяц в Америке! Московская филармония тебя не беспокоит предложениями?

— Естественно, я знаю о ее существовании. Подозреваю, что отдаленно там слышали обо мне. Это закрытая, узкоместническая, «своя» среда — со «своим» художественным советом и «своими» солистами. Я там никого не знаю. Друзья у меня в Петербургской филармонии.

— А есть еще в Москве Ассоциация лауреатов конкурса Чайковского. Оттуда к тебе не прорывались?

— Меня они не беспокоили и членских взносов я не платил.

— Представим ситуацию: учитель и ученик, профессор и студент. Любить, боготворить, уважать или воспринимать как формальную необходимость?

— Я думаю, проблемы нет. Мы все должны учиться друг у друга, у композиторов и исполнителей. От этого зависит путь в искусстве. С самого начала творческий успех на восемьдесят процентов зависит от педагога и среды. Моя домашняя среда была полумузикальная, но мне очень повезло с педагогами. В школе ими были Ирина Радзевич и Абрам Альтерман, который решил все мои проблемы с техникой раз и навсегда. В консерватории мне повезло попасть в класс Элисо Вирсаладзе с ее музыкальной, стилистической и ритмической дисциплиной, с ориентацией на немецкую музыку. А позже я много занимался с Александром Сацем, который раскрыл для меня очень многое в новой музыке.

Попавши я к другим педагогам, то и играл бы по-другому. Проблема не в том, как и что ты взял, а в том, чем и кем ты стал. Индивидуальность и собственный стиль — вот проблема. Важно во-

Пианист Борис Березовский.

время осознать, что ты взял полезного, и вовремя уйти, потому что я знаю много примеров, когда даже после самых изумительных педагогов музыканты становятся копиями и не способны выбраться из густой тени своего учителя. Я считаю, что чем больше учителей, тем лучше. Российская система одного учителя меня не сильно привлекает, и в моем случае был идеальный вариант.

— А потом связи с учителями рвутся?

— К сожалению, с Вирсаладзе мои отношения потом не сложились. С Сацем и Альтерманом мы дружим самым чудесным образом.

— Невероятно, но ты единственный из советских лауреатов в истории Конкурса имени Чайковского не имеешь диплома об окончании консерватории...

— Это курьез и абсолютно не-

серьезная ситуация. Я был воспитанным молодым человеком и попросил тогда во время конкурса перенести дипломную игру на экзамене на более поздний срок. Хотя, по правде говоря, мне могли бы засчитать в диплом и конкурсны выступления. Я думаю, что у Сергея Леонидовича Доренского в очередной раз случилось расстройство настроения — и он решил не делать исключения. Сейчас, играя с лучшими оркестрами в лучших залах, понимаешь истинную цену всем бумажным удостоверениям.

— О ком из дирижеров ты можешь говорить в превосходной степени?

— Изумительный дирижер Жан Паскаль Тартилье. Превосходный — Дмитрий Китаенко. С ним мы много работаем в концертах и на записи.

— А каково солисту в концерте с симфоническим оркестром?

— Многие дирижеры халтурно относятся к аккомпанементу и на солистов им часто глубоко плевать. Важно сбросить первую часть концерта, во второй — у них свое соло. Очень редки случаи, когда дирижер предельно ответственен, уважителен и симпатизирует солисту. Ведь многие из дирижеров сами неудавшиеся солисты, у них очень много комплексов, в том числе мания величия. Такую профанацию, как в дирижировании, даже нельзя себе представить. Если солисты хоть как-то, но должны играть, то дирижером может быть любой. Гениальный дирижер с хорошим оркестром сейчас большая редкость. Есть даже дирижеры, которые покупают оркестры, выучивают одну симфонию наизусть и вперед, на две четверти. А аккомпанировать солисту сложнее. У настоящего дирижера должен быть постоянно свой оркестр, с которым он добивается вершин. Мотание от одного оркестра к другому — это просто появление на публике. Что можно успеть за две репетиции?

— Один мой друг-художник страдает, если долго не рисует. Дома ты не занимаешься подолгу и держишь такой объем литературы в памяти и пальцах...

— Для меня страдание, если нет концертов. Я выучил много и учу быстро. Стараюсь слушать как можно больше записей других музыкантов. У Рахманинова, например, такой возможности не было, но и играл он очень много. Метнер был замечательным пианистом, а играл три раза в год. Очень уютно себя чувствую от большого количества концертов с разными репертуарами. Люблю искреннее, не придуманное искусство и таких же людей в нем, люблю атмосферу жизни с радостью и удовольствиями.

— У тебя прекрасный английский язык, ты замечательно водишь машину по левосторонней Англии, ты знаешь географию Лондона так, как, может быть, и не всякий англичанин, здесь всегда проживающий. Ты хочешь здесь оставаться и жить всегда?

— Трудный вопрос. Мне Лондон нравится безумно. Но иногда надоедает, хотя дети здесь ходят в школу. Я очень люблю приезжать в Россию, а иногда хочу быть в скучной Германии. Может быть, когда-нибудь я захочу снова вернуться в Россию. ■